

яна перепечина

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература» представляет серию
«Время мечтать. Романы о любви»:

- Знаменская А. «Женщина-зима»
Знаменская А. «Свидетельница»
Знаменская А. «Колыбельная для Волчонка»
Знаменская А. «Дочки-матери»
Знаменская А. «Прогулка под луной»
Знаменская А. «Пленница дождя»
Знаменская А. «Русская наследница»
Знаменская А. «Голубка»
Знаменская А. «Венерин башмачок»
Знаменская А. «Дом. Замок из песка»
Знаменская А. «Человек на коне. Страшные сны»
Будянская Н. «Любовь с характером»
Перепечина Я. «А я смогу...»

яна перепечина

А я смогу...

роман

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П27

Компьютерный дизайн обложки — *Элина Кунтыш*

Перепечина, Яна Александровна.

П27 А я смогу... / Яна Перепечина. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Время
мечтать. Романы о любви).

ISBN 978-5-17-983191-4

В жизни Ольги была любовь, о которой мечтают многие. Но дверь в прошлое давно закрыта, а ключ потерян... Случайная встреча с бывшим мужем показала, что они заблуждаются. Но как сделать шаг навстречу друг другу, когда в общем прошлом столько боли и разочарований, а в настоящем происходит что-то непонятное и опасное? Да и говорят же, что нельзя войти в одну реку дважды... А если все-таки попробовать?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-983191-4

© Я. Перепечина, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Подмосковье. Осень 2000 года

Кровь стучала в ушах. Или это была ненависть? Да, пожалуй, всё же именно она. Потому что сложнее всего было сдержаться и не закричать в это насмешливое умное лицо: ненавижу, ненавижу, **НЕНАВИЖУ!** И ещё раз по слогам: **НЕ-НА-ВИ-ЖУ!**

А старик сидел, откинувшись в кресле, и ухмылялся. Вцепиться бы ему сейчас в жиденькие волосёнки одной рукой, а другой сжать горло. И ведь всё получилось бы. Старик (хотя, если начистоту, стариком-то он как раз и не был, далеко ему ещё до старости) ещё не выздоровел после тяжёлой болезни. Не вернулись прежние немалые силы. Поэтому справиться с ним вполне можно было бы...

Каким наслаждением было бы видеть его испуганным, понявшим, что всё, игра закончена. Да ещё так позорно, стыдно, глупо. Но нельзя. Он всё продумал, этот бесполезный червяк. И придётся унижаться, подчиняться и терпеть.

Зараза! Такое только в книгах бывает и в старых фильмах, больше похожих на сказку.

Но сейчас-то ведь двадцать первый век! И вдруг такое идиотское условие. Бред какой-то!

А старик смотрел так спокойно и в то же время насмешливо, будто видел насквозь и читал все мысли. Наконец соизволил процедить:

— Здесь всё изложено в подробностях, — он взял со стола бумаги и демонстративно перелистал их. — Вопросы есть?.. Ну, на нет и суда нет. Действуй. Иначе будет поздно. И ещё раз по пунктам самое главное. Во-первых, никакого выбора у тебя уже нет, хватит эту бодягу тянуть. Только она и никаких вариантов. Если не она, то ничего не получишь. Второе: времени у тебя максимум полгода. И третье: я про неё всё узнал, договориться с ней или подкупить её вряд ли получится. Только добром. Что меня очень устраивает. «Как хотите, мама, так и крутитесь, но завтра похороны», — старик хохотнул над цитатой из любимого анекдота и сухо добавил:

— В общем, чтобы максимум через полгода дело было сделано. Или не получишь ничего. А мои люди проследят.

Почему-то в тот вечер ей пришла в голову блажь поймать машину. Она прекрасно знала, что от бассейна, который находился в южной части Реутова, до её дома на северной стороне проще дойти пешком.

Подмосковный Реутов город непростой. Симпатичный, уютный, его и Подмосковьем-то если

и можно назвать, то только формально. Потому что ближе к центру Москвы, чем какое-нибудь Бутово, Митино и уж тем более Некрасовка. С одной стороны — Кольцевая дорога, с другой — московский район Новокосино. Но всё равно не Москва. И это чувствуется по каким-то неуловимым приметам. Во всяком случае, она чувствовала. И, приезжая из столицы, сразу радовалась: слава богу — дома.

Город делила на две части Горьковская железная дорога. И вот это делало проживание в городе не слишком удобным. Пешком-то из одной части в другую можно было добраться проще простого: высокий мост через пути уже давно заменили двумя подземными переходами. А вот чтобы проехать на машине, требовалось сначала вырулить на Кольцевую дорогу и только потом снова съехать с неё в Реутов, но уже с другой стороны железной дороги. Нелепица, но автомобильного сообщения между двумя частями города, кроме как через МКАД, не было.

Ольга понимала, что может попасть в пробку, и тогда путь домой запросто растянется на неопределённое время. Но шёл дождь, ужасно не хотелось брести по лужам через тёмные дворы, особенно в свете последних событий, и она, выскочив из бассейна прямо к Носовихинскому шоссе, подняла руку. Тут же остановилась машина. Ольга её отпустила, вторую, нервно смеясь и чувствуя себя героиней детектива, — тоже.

Следом, рискованно перестроившись в правый ряд, притормозила третья. Ольга машинально — натаскал бывший муж — отметила: «Ауди» А8. Удивиться тому, что водитель такой машины бомбит, не успела: торопясь укрыться от дождя, открыла дверцу, ведущую в тёплое нутро. Хулиганистый ветер как раз особенно хлётко и обидно наподдал ей по спине и ниже. Ольга поёжилась, нажала на кнопку зонтика — сложила — и не слишком ловко плюхнулась на переднее сиденье рядом с водителем. Но вот ножки убрала привычно изящно, просто загляденье, аж самой понравилось. Захлопнув дверцу, она недолго повозилась, усаживаясь, мокрый зонт пристроила в ногах и чинно скрестила руки на сумке, положенной на колени.

Машина мягко тронулась с места. Ольга вспомнила, что даже не поздоровалась и не сказала, куда ей ехать. Вдохнув вкусный запах, показавшийся почему-то знакомым, она повернулась вполборота к водителю и чуть виновато улыбнулась. Стёкла её кокетливых очочков в тепле салона моментально запотели и, глядя на водителя сквозь туман, Ольга попросила:

— Простите меня, пожалуйста, за суматоху. Я даже не поздоровалась с вами. В северную часть Реутова, будьте добры. На Комсомольскую. Если заезжать неудобно, то остановите на Кольце у подземного перехода, возле «Бахуса», я покажу.

— Да я знаю, Лёль...

... Сердце ухнуло вниз с такой скоростью, что даже голова закружилась. Как всё просто. «Да я знаю, Лёль» — и будто не было девяти лет. Четыре слова, сказанные спокойным, чуть охрипшим голосом, а она уже сидит ни жива ни мертва и пытается унять бешено бьющееся сердце, которое вернулось от пола, но промахнулось и вместо своего обычного положения почему-то долбится с невыносимой силой в горле и ушах одновременно.

Ольга медленно сняла очки. И, прищурившись, посмотрела на него. Да, это был именно он. Сергей Яснев. Серёжка. Тот самый бывший муж, который научил её разбираться в машинах и мотоциклах. С которым прожила она два года. И с которым рассталась девять лет назад.

Видела Ольга без очков не очень хорошо, но не настолько, чтобы не узнать его, когда он сидит вот так близко. Протяни руку — и можно коснуться чуть заросшей щеки. Она так хорошо помнила, что он всегда невыносимо быстро обрастал. Побреется утром, а к обеду пора опять доставать станок. Вот и сейчас даже на взгляд твёрдая загорелая щека его была колючей.

Ольга смотрела на него и молчала. Знала, что нужно что-то сказать, выдавить из себя хотя бы ничего не значащее приветствие — и не могла. А произнести то, что вертелось на языке, не могла тем более.

— Ну, здравствуй, что ли, Лёль?

Ольга, наконец, усилием воли загнала сердце на отведённое Господом Богом место и негромко, с лёгкой, ничего не значащей улыбкой — вот так, молодец, умница, хорошо получилось — ответила:

— Ну, здравствуй, Серёж. Какими судьбами? От родителей?

Родители её бывшего мужа Серёжи Ясенева жили в Железнодорожном, как раз чуть дальше Реутова, если ехать по Носовихинскому шоссе.

— Нет, — безмятежно улыбнулся он. И ей тут же захотелось вцепиться ему в волосы. Она сидит почти в обморочном состоянии, а ему хоть бы хны!

— Я от Рябина.

— Как от Рябина?! — она изумилась так по-детски, так откровенно, что он тихо засмеялся:

— Чему ты удивляешься? Пашку забыла?

— Да нет, я просто не знала, что вы до сих пор общаетесь.

— Мы не общаемся, мы дружим. Как и раньше. Ничего не изменилось. Только теперь у нас ещё и бизнес общий.

Ольга от удивления даже рот приоткрыла. Он когда-то очень любил это её трогательное умение удивляться и неспособность скрывать своё изумление.

— Как это вы дружите? Это мы с ним дружим! То есть общаемся... И с ним, и со Златой,

его женой. Ты что, и её знаешь? — вдруг недоверчиво поинтересовалась она.

— Знаю, — улыбка его стала ещё шире, — я у них на свадьбе венец Пашке держал.

— Ничего не понимаю! Мы с ним первые пару лет после... — она чуть было не сказала «после нашего развода», но вовремя исправилась, — после... института не созванивались...

— Он в это время в армии служил, — с готовностью пояснил Сергей, не заметив её заминки или сделав вид, что не заметил.

— Ну вот, а потом созвонились, и с тех пор частенько видимся и по телефону общаемся... Я в прошлом году на дне рождения Пашки у них была...

— Я тогда в командировку в Питер уехал. Срочно пришлось отправиться, ну ведь не имениннику же пилить. Вот я и вызвался, поэтому меня не было...

— То есть, ты хочешь сказать, что всё это время, лет пять, а то и шесть, Рябинин дружит с нами обоими одновременно, а мы об этом не знаем? Или ты знал?!

— Нет, не знал, честное слово! — Сергей скорчил уморительную рожу, и Ольга чуть было не шлёпнула его, как много лет назад, перчаткой по затылку. Но удержалась. С трудом. — Он не говорил.

— Ну, не может быть, он же никогда двуличным не был!

— Зато он всегда был человеколюбивым и деликатным... — При этих его словах Ольга тут же вспомнила, как раньше по-настоящему и очень по-мужски дружили её муж и Павел Рябинин. И, оказывается, ничего за эти годы не изменилось в их отношениях. Не то что у них с Серёжей... — Не хотел нас тревожить, вот и не говорил, — заступился за друга Сергей.

— То есть меня он тогда позвал на день рождения только потому, что ты уехал в Питер?

Её бывший муж неопределённо пожал плечами.

— И ты об этом знал?

— Да не знал я, Лёль! Я же уже сказал. Я понятия не имел, что вы общаетесь.

— Слушай, что ты еле едешь?! Нельзя ли побыстрее?! — раздражённо отвернулась от него Ольга и упёрлась взглядом в пробку, как назло образовавшуюся на самом выезде с Носовихинского шоссе на внешнюю сторону МКАД.

— Лёль, будь у меня вертолёт, непременно бы выполнил твоё пожелание. Но сейчас не обессудь. Если ты согласишься по сторонам, то увидишь, что ползу я не в гордом одиночестве. А в окружении других таких же бедолаг. Так что придётся тебе потерпеть и помучиться в моём обществе.

— Перестань паясничать и высади меня здесь! — Ольга была готова рвать и метать от

нахлынувшей непривычной ярости. И злилась в первую очередь на себя.

Зачем она села в его машину?! Надо было сразу, как только увидела Сергея, бежать, куда глаза глядят. Ясно же, что ничего хорошего из их несвоевременной встречи получиться не могло...

— Как скажешь, Лёль, — автомобиль послушно замер в крайнем левом ряду МКАД, куда они потихоньку протолкались-таки, несмотря на пробку. Ольга, кипя от возмущения, всё же попыталась распахнуть дверцу, всерьёз собираясь пробраться мимо еле ползущих машин и пойти дальше пешком. Мимо пролетел мотоциклист на спортбайке, едва не снеся её вместе с дверцей и окатив брызгами. Ольга ахнула, неловко запрыгнула обратно, прихлопнув полу плаща, и испуганно замерла, вцепившись тонкими пальцами в ручку. Сзади и с боков раздражённо загудели. И она совсем смешалась, покраснела и растерянно, снизу вверх, посмотрела на него, как смотрела раньше, ища поддержки и защиты в трудных ситуациях.

Сергей тут же вспомнил, что она всегда была очень зависима от мнения окружающих, её больно ранило любое проявление всякого недоброжелательства. И рядом с ней высокий, крепко сбитый Серёга Яснев, меньше всего похожий на романтического героя, чувствовал себя прекрасным принцем на белом коне, берегущим от невзгод принцессу крови.

Он тогда очень любил и жалел её. Очень.

Ольга выросла в семье, где отец и мама просто обожали друг друга и почти не обращали внимания на народившегося зачем-то ребёнка. Бывает, оказывается, и такое. Прехорошенькая (Сергей обожал пересматривать детские фотографии Лёльки) дочка их, белокожая, белокурая, с огромными ярко-голубыми глазами и нежными пальчиками, была совершенно беспроблемным ребёнком. Часами могла рисовать или вышивать крестиком где-нибудь в уголке и не мешала родителям упиваться своей взаимной любовью.

Она довольно хорошо училась в школе. Правда, не блистала и звёзд с неба не хватала, но не от недостатка ума, а от природной застенчивости. Тем не менее, довольно легко поступила в их мальчиковый институт. Учиться в нём ей, правда, было сложно. Но она сразу же, трогательно краснея и бледнея, предложила себя на должность старосты, её выбрали, и она, пользуясь служебным положением, так весело, так доброжелательно и с такой готовностью стала помогать всем в меру возможностей и ненавязчиво заботиться обо всех, что скоро её полюбила вся их группа. А полюбив, все начали поддерживать: подсказывали, когда она терялась у доски, решали за неё особо заковы-

ристые задачки, объясняли то, что никак ей не давалось, и совали на контрольных листочки с ответами. И таким вот образом Ольга умудрялась переходить с курса на курс и даже что-то понимать в том, чему их, собственно, учили.

К концу первого семестра у них сложилась небольшая, но крепкая компания, которую однокурсники называли «перелеском». Будто специально подружились добрый и озорной Пашка Рябинин, хулиган и балагур Серёга Яснев, эстет и эрудит Олег Грушин и умница Оля Березина, которую Ясень считал ещё и красавицей. Перевирая известную песню, Яснев часто пел специально мимо нот: «То Берёзка, то Рябина, Ясень с Грушей над рекой. «Перелесок» мой любимый, где найдёшь ещё такой?!»

А потом вдруг их с Ольгой дружба каким-то немислимым, уму непостижимым образом переросла в любовь. Хотя нет, чего уж себе врать-то? Он, Ясень, влюбился в Лёльку с первого взгляда. Как и когда накрыло любовью её, он точно не знал. Но вскоре уже весь курс был в курсе того, что Ясень и Берёзка жить друг без друга не могут.

На третьем курсе они решили пожениться. Это было первое неудобство, которое тихая и спокойная Оленька Березина доставила своим родителям. Ей было двадцать, а им по сорок три, и меньше всего они хотели становиться тестем с тёщей, а в перспективе и дедом с бабушкой. Поэтому потенциальный зять, который,